

УДК39:316.7(571.1)

А. Г. Тучков

ИННОВАЦИИ 1920–30-х ГОДОВ В ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЖИЗНИ СЕЛЬКУПОВ И ИХ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ¹

Предпринята попытка проанализировать проблему влияния инноваций 1920–30-х гг. в хозяйственной сфере на изменение культурной парадигмы среднеобских селькупов. Инновации затронули основные составляющие культуру этноса сферы: жизнеобеспечивающую, производственную и соционормативную. Взаимозависимость этих сфер способствовала полному проникновению инноваций в культуру среднеобских селькупов. Можно говорить о том, что с периода 1920–30-х гг. начался процесс переоценки ценностей селькупской культуры и кардинальной перестройки ее основных структур и элементов.

Ключевые слова: этнос, традиционная культура, хозяйственная деятельность, трансформация культуры, инновации в хозяйстве.

Период 1920–30-х гг. является качественно новым этапом в развитии культуры среднеобских селькупов. Рассматривая условия функционирования селькупского этноса в данное историческое время, можно выделить несколько крупных инновационных сдвигов, которые затронули основные подсистемы культуры, и прежде всего сферу жизнеобеспечения, производственную и соционормативную сферы. Именно их совокупность, по мнению С. А. Арутюнова, позволяет этносу устойчиво поддерживать процесс самовоспроизводства общества [1, с. 168].

Инновации в системе жизнеобеспечения

В 1920-х – начале 1930-х гг. основным занятием и основным источником доходов селькупов оставались традиционные промыслы – охота и рыболовство. Среднеобские селькупы находились в частном, единоличном секторе экономики. Хозяйства их были небольшие и ориентированы на натуральное потребление продуктов промыслов. Адаптация к природной среде обитания обеспечивала устойчивость традиционных форм существования.

Нововведения выразились прежде всего во введении государственных природоохранных мер, состоящих из правил, регламентирующих сроки охоты и рыболовства, размеры пошлин на добычу различных видов животных и рыбы, мероприятия по созданию заповедных районов, заказников, создание питомников и звероферм.

Впервые в промысловой практике вводились ограничения по срокам добычи животных. Они напрямую затрагивали интересы коренного населения Приобья. Под запрет попадала охота на традиционные промысловые виды животных: самцов и самок лося, северного оленя, соболя, куницу, выдру, лисицу [2, л. 21; 3, л. 36]. В строго установленные сроки: с 1 ноября по 1 февраля – в средне-южной части Нарымского края, и с 1 ноября по 20 марта – в северной его части разрешалась только

охота на белку, колонка, ласку, горностаю, зайца. Также устанавливались сроки на добычу других пушных зверей, боровой и водоплавающей дичи [2, л. 21]. В 1933 г., например, впервые повсеместно была запрещена весенняя охота [4, с. 8].

Новые правила охоты особо оговаривали условия промысла белки как основного экспортного животного. Ее запрещалось промысливать всеми известными типами самоловов (кроме капканов), особенно плашками. Белку разрешалось добывать только ружьем. Данное условие входило в противоречие с другими установками и решениями государства. В этот период, например, Союззаготпушнина требовала от охотников строжайшей экономии дробы, что вызывало неудовольствие и недоумение охотников: как можно охотиться, думая об экономии дробы.

Однако с середины 1930-х гг. вновь стали говорить о необходимости использования самоловов при промысле белки и других пушных зверей. Считалось, что объективных причин, не позволяющих употреблять во время промысла различного рода ловушки, не существует, поэтому охотников необходимо ориентировать на самоловный промысел, так как он более эффективный и имеет преимущества перед ружейной охотой [5, с. 24–25]. При этом допускался промысел колонка, горностаю, ласки, зайца, рыси, россомахи черканами, плашками, ящичными ловушками.

Запретительные меры охоты были направлены в основном против частного сектора, охотников-единоличников. Напротив, охотбригадам – «коллективизированным охотникам» разрешалось во время промысла использовать все запрещенные для частных лиц типы ловушек [4, с. 8–9].

В 1935 г., после некоторого моратория (с 1929 по 1935 г.) на добычу крупнокопытных таежных животных был снят запрет на промысел лося и северного оленя. С этого года разрешалось также ис-

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке РФНФ (грант № 09-04-64405а/Т).

пользовать деревянные ловушки при отлове белки, колонка, горностая, ласки, лисы, зайца, барсука, рыси. К запрещенным к добыче животным были отнесены соболь, выдра, ондатра, сурок [6, с. 5–6].

Новым для селькупов явлением стал перечень так называемых особо опасных для хозяйства животных и птиц¹. В категорию опасных и вредных животных попали медведь и кедровка – табуированные представители таежной фауны не только у селькупов, но и у других народов Западной Сибири. За их истребление выплачивались денежные вознаграждения [7, с. 12]. Нетрудно представить, какое недоумение и возмущение эта мера вызвала в селькупской среде.

Кроме того, введенная система «госрегулирования» охотпромысла наносила ущерб устоявшимся промысловым традициям селькупов. Традиционный охотпромысел, на протяжении многих лет находящийся в режиме саморегуляции и обеспечивающий физическое выживание этноса, в 1930-е гг. стал заменяться государственным механизмом регулирования. Следствием этих перемен стало постепенное утрачивание селькупами важных охотничьих традиций, за которыми следовала потеря специфических черт этнической культуры. Примером тому может служить законодательно введенный запрет оставлять охотнику трофейные лапки и хвосты мелких пушных зверей – белки, соболя, горностая, которые впоследствии служили сырьем для пошива сборного меха. По мнению исследователей, именно этот запрет привел к полному исчезновению традиции изготовления «сборного меха», а впоследствии – утрате специфических навыков по производству традиционной одежды [8, с. 85–88].

Инновации в области охоты шли вразрез с устоявшимися промыслово-хозяйственными традициями селькупов. На первых порах непринятие этих нововведений приводило к тому, что в среде селькупов формировался стихийный протест, который приводил к противоправным действиям: жесткие рамки сроков охоты и рыболовства заставляли людей нарушать их, потому что они не вписывались в систему хозяйственного цикла селькупов [9, л. 16–20; 10, л. 13]. Из законопослушных промысловиков-охотников государственное регулирование делало их нарушителями закона. Строгий надзор за соблюдением новых требований, штрафы за их невыполнение, наказание за нарушение сроков и правил охоты – все это отражалось как на сознании

селькупов, так и на результатах охоты. Планы по заготовке пушнины, мяса диких животных, дичи часто не выполнялись [11, с. 6; 12, с. 3; 13, с. 7]. При этом в больших количествах для личных нужд, особенно на Тyme (больше допустимых норм), добывался лось [14, с. 42].

Отнесение к категории вредных животных медведя, кедровки также вносило в сознание селькупов переворот. Эти животные считались табуированными, и их истребление с разрешения государства наносило ущерб системе ценностей в сознании селькупов.

Инновации в рыболовстве также имели ряд существенных последствий. За предыдущие несколько столетий условия рыболовства среднеобских селькупов практически не менялись. Традиционно это был сезонный тип ведения рыбодобычи. Он осуществлялся в промежутках между сезонами охоты, которые выпадали на «осеннее белкование» (конец октября – середина декабря) и «весеннее белкование» (февраль – конец марта или середина апреля). В зимнее межсезонье (январь) практиковался подледный лов рыбы. Основной промысел рыбы, имеющий товарное значение, проводился весной и летом, когда добывалась «перная» (соровая) и «жировая» рыба. В период приближения весны начинался лов заморной («духовой») рыбы, которая в поисках чистой воды в большом количестве скапливалась у «живцов» – выхода ключевой воды или в местах с тонким льдом [15, с. 21–22].

В 1920–30-е гг. происходит перестройка устоявшейся веками системы рыболовства. Из частного сектора он переходит в государственный. Вводятся особые правила по добыче рыбы. В это время рыболовство было решено направить на удовлетворение государственных интересов. Устанавливалась строгая система запретительных мер. Рыбодобыча запрещалась во время нереста (от вскрытия рек до 1 июля) стерляди, осетра, севрюги. Попавшая в сети рыба ценных пород (осетр до 71 см, стерлядь до 27 см, севрюга до 50 см, как маломерная рыба) должна быть отпущена. Определялся и размер ячеек сетей – не менее 16 мм. Запрещалось использование взрывчатых и отравляющих веществ. Все рыболовецкие артели, созданные к тому времени, обязаны были проходить регистрацию в местных сельских советах со всем своим рыболовным инвентарем. На право рыбной ловли

¹ К «особо вредным» животным относились волк, рысь, россомаха, суслик, хомяк; среди птиц вредными считались ястреб-тетеревятник, ястреб-перепелятник, болотный лунь, филин-скопа, неясыть, лапландская белая сова, орел-беркут, орлан-белохвост, кречет, чеглок, коршун, сокол-сапсан, баклан, сорока и ворона. Эти виды разрешалось истреблять на всей территории Нарымского края в течение года в любом количестве и любыми законными способами, а также медвежьими пастями, выемкой щенят из логовищ и разорением гнезд. В перечень опасных и «вредных» для хозяйства животных попадали также дикие (одичавшие) собаки и кошки. Их также разрешалось истреблять в течение всего года [2, л. 21].

необходимо было заключить с администрацией района договор и выкупить специальные рыболовные билеты. За нарушение правил лова виновные подвергались в сельской местности штрафом до 10 р. или к принудительным работам до 2 недель [16, л.12, 13–13 об].

Особое внимание в 1930-е гг. власти стали уделять природоохранным мероприятиям. Отводились места промысла, где ограничивался лов рыбы в момент ее хода весной и осенью. Эти участки объявлялись впоследствии заповедными [17, л. 136 об, 141, 180].

Отдельно оговаривались условия лова рыбы для личного потребления. Они не отличались от общепринятых правил, однако ловить для собственных нужд разрешалось бесплатно и повсеместно, кроме заповедных районов. Орудиями личного лова должны быть только удочки, жерлицы, дорожки и переметы (не более 20 крючков на 1 хозяйство), ручные сачки. Под запрет попало заповорное рыболовство – основной вид рыбодобычи селькупов. Заповорное рыболовство в тот период воспринималось экономистами как хищнический метод промысла, и со временем оно должно было вытесниться активными способами лова. Вместе с тем его допускали как временную меру для решения конкретной хозяйственной задачи – снабжение продовольствием строек Кузбасса. Это обстоятельство способствовало тому, что, несмотря на продекларированный запрет, нарымские селькупы сохранили и даже развили традиции заповорного рыболовства в обозначенный период.

В рамках традиционной системы рыболовства основная нагрузка на водоемы в прошлом приходилась на весну, летнее и зимнее время. В условиях становления плановой экономики сезонный характер селькупского рыболовства стал рассматриваться как экономически дефектная и невыгодная черта всей традиционной системы их хозяйствования. Реальное время, по подсчетам экономистов, проводимое селькупками на рыбопромысле, составляло всего 30–40 дней в году. Необходимо было с учетом разработанной классификации типов водоемов перевести их хозяйство на непрерывное использование всех водоемов в течение всего года.

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. традиционной экономике селькупов было предписано «перейти на плановые рельсы» и «произвести интенсификацию рыбного промысла». Считалось, что, «осуществив круглогодичный лов при полном охвате всех водоемов и плановой расстановке ловецких сил, можно изжить сезонность и колебания уловов, достигнув при этом максимального использования рыболовецкого инвентаря и равномерной загрузки сырьем рыбообработывающих предприятий» [17, л. 88 об., 89]. По проекту земледовоустроитель-

ной партии 1932 г. р. Тым могла эксплуатироваться с июня по сентябрь, акки – с мая до октября, речки – с января по февраль, с середины апреля до середины мая и с октября по декабрь, сора – с мая по июнь, озера – в течение всего года, кроме апреля и октября [17, л. 89].

Инновации в производственной подсистеме культуры

Они выразились в установлении новых правил относительно использования, изготовления и хранения промыслового инвентаря, внедрения новых промысловых орудий, переходе на огнестрельное оружие и капканы во время промысла, внедрении новых технологий.

Изменения в сфере орудий промысла

Из промыслового инвентаря были исключены во время охоты так называемые вредные ловушки: шатры, пленки, петли, кружки, кузова, ковши, пасты, птичий клей. Под запрет также попадали такие приемы охоты, как устройство засек, охота при помощи кобылки или щита, охота крючками, загон по насту, загон животных на лед и на скошенный камыш, добывание стадных животных при переправах, облава на островах до замерзания рек и озер, собирание птичьих яиц, разорение гнезд, ловля молодняка, линяющих или обмерзлых птиц, выкапывание молодняка и щенят зверей, разорение нор ценных пушных зверей. На всей территории запрещались способы лова на настороженные ружья и луки-самострелы, ямами, отравой. В северных районах запрещались способы лова настороженными самоловами в весенне-летнее и осеннее время. Запрещалось также использовать перевесы, плашки, черканы, кулемы, силки и слопцы, которые вели, как предполагалось, к быстрому истощению охотугодий [2, л. 21]. Кроме того, в Каргасокском районе, который считался наименее благополучным в экологическом отношении, как и район р. Вах, запрещалась охота на самцов лосей и северных оленей способом загона животных по насту [18, л. 72].

Изменения затронули и область технического оснащения промысла рыбы: увеличилась длина неводов до 400–600 м и более, их количество на одного рыбака (с 3–5 до 15 сетей на ловца), плановое использование неводов и сетей в соответствии с сезонами лова и типами водоемов, увеличилось количество рыболовного инвентаря; внедрялись новые способы лова и рыболовные орудия, такие как невод с подзором, мутник, бродник. Особое внимание стали уделять расчистке водоемов от засоренности. Так как за населением водоемы закреплялись в постоянное трудовое пользование, оно было обязано вести рациональный промысел, «максимально использовать» рыбные ресурсы, при этом охранять их от истощения [17, л. 141 об., 142].

Значительные изменения в традиционной культуре нарымских селькупов произошли в сфере изготовления и поддержания в рабочем состоянии орудий промысла. Селькупы находились в зависимости от сырья, необходимого для изготовления рыболовных снастей и ловушек. С конца XIX в., с переходом на неводной и сетевой приемы лова, коренное население стало отказываться от ряда традиционных средств (сарга, крапивное волокно, «веревки» из корней кедра, дранки из сосны и др.), используя привозные сети, невода, нитки и другие материалы для изготовления промысловых орудий [19, с. 30–36].

Зависимость от рынка и относительная легкость приобретения готовой продукции еще более усилилась к концу 1920-х гг. В 1930-е гг. селькупы практически полностью перешли на покупку промышленных товаров, связанных с нуждами рыболовства [20, л. 8]. Однако постоянные перебои в снабжении единоличных хозяйств и рыболовных артелей предметами рыболовства и надежды селькупов на помощь государства в приобретении рыболовного инвентаря привели со временем к изношенности промысловых орудий [21, с. 161]. Итогом сложившейся ситуации стала угроза потери селькупам навыков и приемов изготовления орудий лова из традиционных материалов, что и проявилось в значительной мере в последующие десятилетия.

Новые условия охотпромысла и наращивание объемов добычи зверей и птицы требовали большого количества необходимого для охоты снаряжения, продовольственных и боевых припасов. В перечень необходимых предметов входило практически все – от охотничьих ружей калибров от 24 до 32 мм и принадлежностей к ним до ноговиц и рукавиц. Одних только капканов для Напасского тузсовета, например, требовалось 15 000 шт. [22, л. 2 об, 3].

В исследуемый период действительно можно говорить о перестройке ряда механизмов, обеспечивающих традиционную сферу жизнедеятельности этноса, – производственную систему, являющуюся базисом культуры. Были нарушены условия производства материальных благ, основанные на традиционном природопользовании. Селькупы все меньше стали обеспечивать себя необходимым минимумом продуктов питания (исключение, пожалуй, составляет мясо лося, которое добывалось в больших количествах для внутреннего потребления), сырьем для одежды, предметами охотпромысла – государство все это предоставляло, зачастую в кредит, в счет будущего погашения долга.

Новые технологии в обработке и хранении традиционных продуктов

Новым явлением в хозяйственной жизни нарымских селькупов стало внедрение крупномасштабной консервации рыбы. В ряде селькупских поселков были созданы рыбозасольные пункты. За-

солка рыбы была непривычным делом; в селькупской культуре не было традиций данного типа консервации, тем более отсутствовали навыки засолки рыбы в больших масштабах.

Созданные в ряде селькупских поселков засолочные пункты не отвечали никаким техническим и санитарным требованиям: отсутствовали необходимые условия труда, наблюдалась острая нехватка специальных помещений, соли, тары, спецодежды. Засолка рыбы проводилась с технологическими нарушениями, с перерасходом соли, рыба теряла свои питательные и вкусовые качества, становилась «нетоварной». Отходы от производства соленой рыбы, особенно рыбий жир и чешуя (которые в традиционном хозяйстве селькупов использовались как продукты питания и сырье для клея), не утилизировались [17, л. 92].

Инновации в соционормативной сфере

По мнению этнологов, соционормативная подсистема любой культуры включает в себя такие институты, как право, мораль, обычаи, религию, различные социальные структуры, взаимоотношения между людьми [1, с. 167]. Безусловно, эта подсистема взаимосвязана с другими сферами культуры.

Новые экономические отношения

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. государство взяло курс на модернизацию традиционных экономических отношений. В первую очередь они связаны с созданием коллективных охотничье-рыболовецких хозяйств (артелей). Данная форма коллективизации получила широкое распространение на территории Нарымского края в 1931–1932 гг. Основная задача «промысловой охотрыбачьей кооперации» заключалась в перестройке всего промыслового хозяйства коренного населения Сибири. Селькупы должны были отказаться от «старых дедовских» способов промысла и перейти «к новым культурным формам хозяйства, к правильному, научному ведению охотничьего и рыболовного промысла, к рациональному использованию природных богатств» [23, с. 6]. Государству необходимо было перевести традиционный промысел из частного сектора, который трудно было регулировать, в артельно-кооперативный, находящийся под строгим контролем государства.

Артельный способ ведения промысла был присущ селькупам и ранее. Однако он носил временный, стихийный, необязательный характер. В артели селькупы подражались исключительно на рыбный промысел ради заработка, когда они нанимались к русским рыбопромышленникам в период путины. В 1930-е гг. эта форма экономического отношения стала обязательной, носила ярко выраженный политический характер.

Новая система хозяйствования должна была соответствовать требованиям социалистического стро-

ительства, и, таким образом, традиционные методы охоты, которые считались пережитком прошлого, не могли оставаться на прежнем «дедовском» уровне – они должны быть реформированы.

Однако организация охотничьего и рыболовческого хозяйства в форме кооперации вскоре перестала удовлетворять потребностям новой власти. Возникшая как альтернатива единоличному ведению хозяйства в 1920-е гг. кооперация была ликвидирована специальным постановлением ЦИК и СНК от 17 марта 1933 г. С этого времени организация промыслов стала возлагаться на колхозы, а промышленяльщик должен был колхозник-охотник и колхозник-рыбак (часто представленные в одном лице), связанные с коллективом и государством крепкими экономическими и идеологическими отношениями [24, с. 2].

Ценовая политика новой власти

К нововведениям того времени относится и установление в 1930-х гг. твердых закупочных цен на промысловые виды животных. Так, в 1931 г. белка стоила 1 р. 4 к., беличьи тушки без меха 15 к., заяц – 60 к., колонок – 4 р. 50 к., горностаи – 4 р. 25 к., рябчик – 25 к. Дороже всех оценивалась выдра – 75 р., добыча которой, как уже отмечалось, в последующем была запрещена [25, л. 47, 48]. В связи с ростом потребности промышленности в ценном мехе и вывоза его за границу росли и закупочные цены на мехсырье. К 1937 г. стоимость одной белки возросла в три раза по сравнению с 1931 г. В 1937 г. за белку платили 3 р. 50 к. [26, с. 12].

Один килограмм рыбы в 1931 г. стоил: мороженой – 8 р., соленой – 6 р. 60 к. [25, л. 48]. С середины 1930-х гг. селькупские рыболовецкие артели перешли на трудодни. На Тyme, например, нормы начисления трудодней проводились поквартально. Количество трудодней определялось по видам пойманной рыбы и по ее качеству. В 1937 г. действовали следующие нормы: в первом квартале осетр оценивался в 1.1 трудодня, стерлядь и нельма в 1 трудодень, за частик начисляли по 0.15 трудодня. В четвертом квартале эти нормы были меньше: за осетра уже начисляли 0.55 трудодня, за нельму и стерлядь – 0.50 трудодня, а за частик 0.8 трудодня [27, л. 16]. Установление трудодней естественным образом привело к потере стимула.

Изменившаяся в 1920–30-е гг. историческая обстановка, открывшая новые социально-экономические условия, повлияла на смену традиционной культурной парадигмы. Инновации в сфере охотничьей и рыболовческой деятельности размывали систему традиционного хозяйствования, вымывали скрепляющие культуру элементы. Изменения затронули и психологию охотника. Если раньше знаком удачи и престижа служили шубы и полу-

шубки, сшитые из лапок и хвостов пушных зверей, добытых охотником, то теперь престижным считались покупные промышленные товары – от музыкальных инструментов и бытовой техники до знаковых деталей городской одежды, например фетровой шляпы [26, с. 12].

В определенной мере изменилось у селькупов и отношение к зверю. В прошлом для прокормления семьи селькуп-охотник отстреливал только необходимое количество животных. В условиях плановой экономики он научился добывать больше, чем позволяли его личные потребности: необходимо было возмещать затраты на патроны, гильзы, капсюли, пули и дробь, порох, орудия лова, которые ему выделяло государство, на продовольственные товары, особенно хлеб и муку, которые также он был вынужден получать от государственных заготовительных организаций, нередко в долг. И, как правило, невыполнение планов по заготовке меха грозило серьезным наказанием. Изменения в отношении к зверю неизбежно влекли за собой и пересмотр соционормативной системы в культуре селькупов, обеспечивающей в прошлом охотпромысел.

Внедрение в самобытную культуру селькупов социалистической экономики и социалистического образа мыслей приводило на первых порах к отторжению этих инноваций. Нередки были случаи срыва планов заготовок рыбы, посевов огородных культур, невыхода на лесозаготовки и пр. За всеми подобными случаями нередко стояло нежелание селькупов заниматься теми видами работ, которые им были чужды, незнакомы и находились в стороне от их традиционных занятий.

Конечно, нельзя сказать, что социалистические преобразования в культуре селькупов не имели известную поддержку и сочувствие в их среде. Некоторые идеи социализма, в частности идея равноправия и справедливого распределения, находили живой отклик у населения. Остаточные формы общины, тяготение к уравнительности, присущие любому традиционному обществу, способствовали благоприятному восприятию этих идей [28, л. 34].

Вместе с тем, в связи с новыми процессами в системе хозяйства селькупов, непременным фактором стало столкновение интересов, проистекавших из разных мировоззренческих установок: с одной стороны, государства, которое стремилось к возможно большему опромышлениванию рыболовных и охотничьих угодий и внедрению их в плановую экономику, к увеличению добычи рыбы и зверя, к непременному сохранению продуктов промысла; с другой стороны, селькупов, ориентированных на индивидуальный метод ведения хозяйства и шадящий режим промысла, который обеспечивал в первую очередь потребности семьи в пище и только при наличии избытка продукта имел товарное зна-

чение. Интенсификация рыболовного и пушного промыслов, навязываемая государством в 1930-е гг., была трудносовместима с традиционными нормами природопользования селькупов.

В то же время важно отметить, что в 1920–30-е гг. проходил сложный процесс интеграции селькупов в единое сообщество – «советский народ», в котором данному этносу, наравне с другими народами Сибири, отводилась определенная роль «строителя нового социального бытия». И именно вовлеченность хозяйства селькупов Нарымского края в систему плановой экономики всей страны с перестройкой всех сфер жизни общества явилась впоследствии определяющим фактором

высокой степени интенсивности интеграционных процессов, протекавших на данной территории.

В целом, чтобы понять масштабы качественных изменений в культуре этноса, необходимо ответить на вопросы: 1) в какой степени инновации 1920–30-х гг. соответствовали тенденциям внутреннего развития среднеобских селькупов, 2) в какой мере эти инновации соответствовали этноинтегрирующим функциям культуры этноса и 3) какое истинное отношение к инновациям было у самих носителей культуры. Решив эти вопросы, можно будет на новом уровне говорить о глубине и качестве трансформационных процессов внутри селькупского этноса.

Список литературы и источников

1. Арутюнов С. А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М., 1989. 244 с.
2. ГАТО. Ф. Р.–747. Оп. 1. Д. 1.
3. Там же. Д. 99.
4. Охотник и рыбак Сибири. 1933. № 4.
5. Охотник Сибири. 1935. № 10–11.
6. Там же. № 8–9.
7. Охотник и пушник Сибири. 1926. № 12.
8. Тучкова Н. А. Верхняя плечевая одежда южных селькупов: разновидность и номинации // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. Томск, 2001. С. 85–88.
9. ГАТО. Ф. Р.–747. Оп. 1. Д. 45.
10. Там же. Д. 75.
11. Охотник Сибири. 1935. № 1.
12. Там же. № 5–6
13. Там же. № 10–11.
14. Там же. 1936. № 2.
15. Орлова Е. Н. Население по рекам Кети и Тыму, его состав, хозяйство и быт (работы научно-промысловой экспедиции по изучению реки Оби и ее бассейна). Т. 1. Красноярск, 1928. Вып. 4. 55 с.
16. ГАТО. Ф. Р.–747. Оп. 1. Д. 12.
17. Архив ТОКМ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 208.
18. ГАТО. Ф. Р.–747. Оп. 1. Д. 65.
19. Головнёв А. В. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. Новосибирск, 1993. 203 с.
20. ГАТО. Ф. Р.–747. Оп. 1. Д. 12.
21. Вехи патернализма: судьбы коренных малочисленных народов томского Севера в системе Российской государственности (нач. XIX в. – 30-е гг. XX в.). Томск, 2006. 446 с.
22. ГАТО. Ф. Р.–747. Оп. 1. Д. 105.
23. Охотник и рыбак Сибири. 1929. № 5.
24. Там же. 1933. № 5–6.
25. ГАТО. Ф. Р.–747. Оп. 1. Д. 21.
26. Охотник Сибири. 1937. № 2.
27. ГАТО. Ф. Р.–747. Оп. 2. Д. 17.
28. Там же. Оп. 1. Д. 98.

Тучков А. Г., кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, г. Томск, Томская область, Россия, 634061.

Материал поступил в редакцию 15.07.2010.

A. G. Tuchkov

**THE INNOVATIONS BETWEEN THE 1920–30IES YEARS IN THE ECONOMICAL LIFE
OF THE SELKUP PEOPLE AND THEIR IMPACT ON THE TRADITION CULTURE**

The article represents the analysis of innovations' of the 1920–30ies years impact on the economy, on the changing of the cultural paradigm of the Middle Ob Selkup. The innovations influenced the core spheres of the culture of the ethnos – its life-supporting, economical and social spheres. The interconnection of the spheres contributed to the full penetration of the innovations into the culture of the Middle Ob Selkup. It is correct to state that the process of shifting the values and cardinal change in the structure and the elements of the Selkup culture started between the 1920 –30ies years.

Key words: *ethnos, traditional culture, household activity, transformation of the culture, innovations in the household.*

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Tomsk region, Russia, 634061.